

Андрей Превольт

ДУРГ

В поисках королевы

Андрей Превольт

Дург. В поисках королевы

«Издательские решения»

Преволт А.

Дург. В поисках королевы / А. Преволт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903407-6

Начальник тайной королевской канцелярии Дург Стрэйг получает очередное, кажущееся невыполнимым задание короля. Неведомые миры на земле и под землёй таят массу опасностей, даруют интересные встречи и чудесные спасения. Происки врагов и слабование тех, кому доверял, отравляют душу. Битва с повелителем подземного мира, голод, холод, лишения. Даже успешное выполнение задания не гарантирует благополучия стране и самому Дургу Стрэйгу. Только чувство долга и любовь помогают выдержать всё и вернуться.

ISBN 978-5-44-903407-6

© Преволт А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Незнакомец в капюшоне	6
Глава 2. В дорогу	12
Глава 3. Дорога на Думу	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дург. В поисках королевы

Андрей Преволт

© Андрей Преволт, 2018

ISBN 978-5-4490-3407-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Незнакомец в капюшоне

Торговая площадь в центре города, как всегда, была заполнена народом. Торговцы всех мастей наперебой предлагали свои товары покупателям. Лоточники сновали между рядами в надежде первыми перехватить удачу. В ремесленных рядах было лишь чуть меньше людей и больше порядка, а в остальном все так же: шум, гам, крики зазывал.

Справа от ратуши вдоль площади шли ряды дешевых гостиниц и трактиров с кабаками и харчевнями. Слева высилось здание Королевского университета.

Человек в коричневом плаще с накинутым на голову капюшоном вышел на площадь из двери трактира «Лисий нос». Внимания на него никто не обратил. Мало ли подозрительных личностей слоняется в шумных торговых местах. Он не был похож на покупателя, потому беспрепятственно прошел ряд торговцев живой птицей. Затем ряд соленой рыбы. Обычно стоило только кому ступить туда, ему тут же в нос пихали либо курицу, либо рыбину. И даже ничего не купив, человек уходил в перьях или в чешуе. Но странному незнакомцу никто не решился предложить свой товар. Он свернул из торговых рядов к гостиницам и пошел вдоль них к ратуше. Столы, вынесенные на улицу из постоялых дворов, были заполнены трапезничающим народом. За одним из них компания студентов громко билась деревянными кружками за каждый сказанный тост, обильно разливая при этом пенный напиток на и так уже изрядно липкий стол. Поравнявшись с ними, незнакомец услышал очередной повод для удара кружками: «Раз король снова решил жениться, так выпьем же за новую королеву!».

После этих слов компания опять с гиканьем собралась кружки в одном месте над центром стола. Незнакомец в плаще, на секунду молча остановившись рядом со столом, усмехнулся под капюшоном и продолжил свой путь.

Не доходя сорока шагов до ратуши, он резко повернул налево и быстро смешался с толпой тряпичников – торговцев старой одеждой, которую они предлагали, накинув себе на плечи. Несмотря на отсутствие рядов, толчею и неразбериху в этом месте торговой площади, незнакомец уже через минуту был на другой ее стороне и входил в университетские двери.

– Господин Кюль, к вам посетитель, – приоткрыв дверь в аудиторию естествознания, произнес студент, ответственный за прием посетителей у входной двери.

Помощник преподавателя оторвал свой взгляд от толстой книги с желтыми страницами и повернул к двери голову со взлохмаченной рыжей шевелюрой. В этот момент в аудиторию уже протискивался спиной вперед человек в коричневом плаще с накинутым на голову капюшоном. Незнакомец стал лицом к двери, закрыл ее и только тогда снял капюшон и повернулся.

Лицо господина Кюля расплылось в широкой гнилозубой улыбке.

– Дург, вы ли это? Как я рад снова видеть вас!

– Я тоже рад видеть тебя, Максимилиан, в полном здравии, – произнес Дург Стрэйг, садясь на стул с противоположной стороны стола. – Но лучше сразу о деле. Завтра за тобой придут стражники и уведут тебя в Галдынор.

– За что, Дург? – поднимаясь со стула, изумленно глядя на старого знакомого, спросил Максимилиан. – Что я сделал плохого?

– Не переживай, там ты проведешь одни сутки в специальной комнате, а не в каземате. Послезавтра утром, затемно, мы отправимся с тобой в новое путешествие. Будешь моим слугой-оруженосцем.

– А свой меч мне брать? – спросил рыжий, еще не понимая, что происходит.

– Возьми меч и самые нужные тебе вещи. Новую одежду получишь в замке. Будешь изображать слугу богатого дворянина, – монотонно, глядя куда-то мимо собеседника, давал наставления Дург.

– Что, и лошадь у меня будет? – осторожно спросил рыжий.

– Да, Максимилиан! А то вдруг нам придется убежать или догонять кого, а ты на осле, – произнося это, Дург не смог сдержать улыбки. А после того как показались черные зубы Максимилиана, они оба уже залились громким смехом.

Попрощавшись с рыжим студентом, Дург накинул капюшон и вышел из аудитории. Через несколько минут он уже входил в «Лисий нос». А еще через четверть часа в сопровождении двух помощников выехал со двора тайной канцелярии на аудиенцию к королю.

Благодаря тайному подземному ходу из канцелярии в трактир, находящийся на многолюдной оживленной площади, Дург имел возможность свободно посещать места и нужных людей без привлечения внимания. А за ним в последнее время пристально следили. Он быстро выяснил, по чьему приказу, а вот причину до конца пока не знал. Допрашивать с пристрастием рядовых наблюдателей не имело смысла. Они действительно не знали причины. Догадки и явные подозрения были, но окончательно разобраться во всем теперь помешало новое задание короля и подготовка к его выполнению.

После возвращения из-под стен Ассакрабии, разгромив внутреннюю оппозицию в лице семейства Нильбердов, король постоянно требовал найти изменницу-жену. Дург, зная необузданный характер своего монарха, прекрасно понимал, что найти королеву будет легче, чем уберечь ее от казни. Мертвая королева стала бы мученицей в глазах ее сторонников, коих в стране оставалось еще немало. Зачем лишние проблемы?

Дург решил выждать время. Может, все уляжется и без королевы. Поначалу так все и пошло. Через три месяца король перестал даже вспоминать о своей бывшей супруге. Но вдруг углубился в религию. Храмовики стали частыми гостями во дворце, особенно великий инквизитор Хилакиус.

Дургу совсем не нравилась эта дружба. Но пока он выбрал меньшее из зол, просто наблюдая за ситуацией.

Храмовики тем временем стали усиливать свое влияние при дворе, забывая при этом о своих прямых обязанностях – заботе о духовном состоянии своей паствы.

Когда прошел год после окончания войны, король неожиданно решил жениться. Принцесса Хисидора, дочь правителя Гирмении, приезжала с визитом в Ледонию с отцом как раз перед началом войны. Тогда ей было пятнадцать лет, и была она весьма привлекательной девушкой. Отец ее, царь Коррид, тогда отказался выступить совместно с королем Ледонии Дидартом III против Лоуреанцев. Он испугался, что даже объединенное войско не сможет справиться с такой задачей.

Но Дидарт III показал, что это можно сделать и в одиночку. И теперь он решил потребовать в жены принцессу Хисидору, поставив ее отца перед сложным выбором. Если он откажет Дидарту во второй раз – это будет означать начало войны между ними. Отдав ему в жены дочь, можно загладить свою вину.

Хисидора была уже на пути в Ледонию, когда у короля Дидарта возникла проблема. Архиепископ Калиоп, главенствующее духовное лицо Ледонии, поставил условие – король обязан развестись с первой женой. Иначе новый брак заключить невозможно. Факта смерти законной королевы не установлено. Значит, надо либо предоставить ее тело, либо ее саму, живую, и совершить официальный бракоразводный процесс.

То, чего Дург опасался, все-таки произошло. Следовало найти королеву и лучше, естественно, живой. Доказать ее смерть будет практически невозможно. Хотя, конечно, самой королеве, конечно, было бы выгодно, чтобы ее считали умершей.

В общем, Дургу предстояло искать иголку в стоге сена. Он знал, что рано или поздно эта проблема всплывет, поэтому на протяжении всего года вел работу по установлению направления, по которому королева покинула страну. Сначала все было до неприличия банально. На одном из пограничных форпостов, охраняющем рубежи Ледонии от степных кочевников, стражники рассказали, что перед самым возвращением короля в степь выехала повозка с королевскими вензелями в сопровождении капитана дворцовой стражи. Он показал бумаги с печатью герцога Нильберда и сказал, что хан Галарай ждет дорогих гостей и что через неделю они вернутся обратно. Повозка через неделю не вернулась. А позже конные разъезды встречали в приграничной полосе отряд кочевников, в котором один из всадников был в капитанских доспехах. Понятно, что тело того капитана уже давно обглодали степные псы и вороны. Королеве и герцогу не нужны были свидетели.

Получив эту информацию, Дург на время успокоился. Он стал ждать приказа короля о розыске супруги и уже выбирал посланца, который отвезет хану Галараю требование выдать государственных преступников.

Но событие, произошедшее четыре месяца спустя, заставило по-новому взглянуть на эту проблему.

Через два месяца после возвращения из похода семейство Стрэйгов отпраздновало свадьбу. Сесилью представили обществу как девушку из знатного рода лоуреанцев. Самым высоким гостем на торжестве был король Дидарт III, пожаловавший в подарок молодым один из самых красивых замков, принадлежавших ранее семейству Нильбердов, – Зеевен.

Молодая чета с трудом обживала новое жилище, бывшее почти в три раза больше родового имения Стрэйгов.

Дург первое время вообще редко приезжал из столицы в теперь уже семейное гнездо. Сесилья сама, одна, как могла, обустроивала новый дом.

Прислуги пока было мало. Дург тщательно отбирал кандидатов в помощники по дому. Старых работников, преданных семейству Нильбердов, пришлось всех уволить как ненадежных. А новых не всегда было время подбирать. Поэтому Сесилья порой сама занималась домашними делами.

Когда жизнь в королевстве вошла в более-менее спокойный ритм, Дург стал чаще приезжать домой. Теперь, кроме гостиного зала, обеденной комнаты и спальни, Дург освоился еще и в кабинете. До этого он несколько раз входил в него, но дальше любования огромным дубовым столом дело не доходило. Тяжеловесная на вид черная столешница была до блеска натерта воском. Видно было, что столом практически не пользовались, но лакеи ежедневно старательно натирали его.

Как-то раз Дург приехал домой на несколько дней. Но полностью отвлечься от работы не получалось. Решив вечером поработать с привезенными с собой документами, он впервые сел за стол в кабинете. Даже днем при солнечном свете, стоя рядом, Дург видел только идеально гладкую блестящую поверхность. Теперь же, сидя при свете свечи, глядя на стол под другим углом, он заметил продавленные в воске пером через бумагу буквы. Тщательно разглядывая, он переносил их на бумагу. Вскоре взору Дурга предстало письмо герцога Нильберда некоему неизвестному адресату. Текст письма поставил Дурга в тупик. Тот человек, которому писал герцог, должен был ждать его с королевой у подножия подземной горы, куда они приплывут на корабле некоего Харона. Кто такой Харон и где находится подземная гора, до которой можно доплыть на корабле, Дург не имел понятия.

Такой поворот событий озадачил Дурга. Если до обнаружения таинственной записи все было более-менее понятно – в какой стороне искать, к чему готовиться, то теперь все усложнилось.

Буквально через день после этого Дург вызвал к себе Максимилиана. Целый месяц рыжий студент перелопачивал университетскую библиотеку в поисках упоминания о подземной горе, реке или озере, по которым к ней можно подплыть.

В университетской библиотеке среди огромного множества книг лишь в одной из них Максимилиану удалось разыскать маленькое упоминание о пещере. «В нее вошел старик, спустился вниз, сел в челн, и воды подземной реки подхватили его и понесли к огромному озеру, посреди которого возвышалась гора. Причалил старик к горе, и увидел он двуликих людей без спин. С одной стороны у них был облик мужчин, а с другой – женщин. И поселился он среди них и прожил два года. Но пришел Харон...». На этом повествование обрывается.

Максимилиан хотел узнать об авторе книги, в которой нашел эти строки, но его в университете никто не знал. Как и не знали, откуда эта книга появилась в библиотеке.

Имя Харон с языка кочевых племен Арханкизии переводилось как «удушающий» и часто давалось как второе имя палачам во взрослом возрасте. Детей при рождении так не называли.

Вот если бы в записке упоминался Харон на лошади и в степи – все было бы на своих местах. А вот Харон под землей, еще и на корабле – оставляло еще больше загадок.

Дург понимал, что начинать поиски придется в степях. После того как главное хранилище информации – Королевский университет – не дало практически никаких зацепок, придется делать все с нуля.

Все бы еще было ничего, и поиски королевы можно было принять как интересное приключение, но в стране вновь начиналось твориться неладное. Усиление роли храмовиков в политической жизни государства становилось все очевиднее. Король уже почти полностью был под их контролем. Налоговый и судебный гнет на простой народ усилился вдвое, что стало приводить к волнениям. Покинуть страну в такое время Дургу было совсем нежелательно. И складывалось впечатление, что его сознательно сейчас выпихивают за пределы границ государства, чтобы он никак не мог повлиять на процессы, происходящие внутри.

Пойти против воли короля Дург не мог. Оставалось постараться в короткие сроки найти королеву и вернуться с нею домой. Правда, может так случиться, что найти ее получится, а вот привезти домой – нет. Она ведь явно не желает возвращаться к своему мужу, раз до сих пор не вернулась. Может ведь так случиться, что для того, чтобы ее вернуть, понадобится целое войско.

В общем, Дург решил – сначала надо найти королеву, а потом уже решать, как представить ее пред очи монарха. Поэтому решено было отправиться в экспедицию не в составе вооруженного отряда, это привлекло бы внимание и, скорее всего, спровоцировало конфликт, а в одиночку. Но так как благородные рыцари всегда путешествуют со слугой-оруженосцем, то в одиночку в данном случае подразумевалось вдвоем.

Из людей близких и преданных Дургу логичнее всего было взять с собой Карла. Опытный воин был бы хорошим подспорьем в трудном и опасном путешествии. Но его грозный вид никак не походил на вид слуги. И решено было взять с собой Максимилиана. С таким сопровождением Дург легко мог сыграть роль отпрыска богатого семейства, тяготеющего к приключениям, не привлекая к себе внимания своих коллег в других государствах.

Новость о новом походе застала Максимилиана врасплох. Он не ожидал, что выбор Дурга может остановиться на нем, тщедушном бедном студенте. Не очень хотелось покидать уютный теплый кабинет и место на кафедре. Но, с другой стороны, путешествие предполагало такое закрученное приключение, что грех было отказываться от него. Тем более отказаться и так не было никакой возможности. Во-первых, Дург – это друг. Во-вторых, он начальник королевской тайной канцелярии. Как можно отказать таким людям?

Максимилиан вошел в каморку, служившую ему одновременно жилищем. Эту привилегию он получил, когда стал подрабатывать на кафедре. Из-за шкафа достал длинный

сверток из грубой ткани, развернул его и взял в руку меч, подаренный Дургом. Несколько секунд полюбовался блеском благородной стали. Потом вытащил из котомки припасенное на ужин яблоко. Вышел из тесной каморки обратно в аудиторию. Левой рукой подбросил яблоко вверх и двумя быстрыми взмахами меча в воздухе разрубил его на четыре части. «Да, Дург, все эти месяцы я не терял времени зря», – тихо с самодовольной улыбкой произнес Максимилиан.

Крупные капли дождя монотонно барабанили по крыше резиденции Великого инквизитора. Хилакиусу не спалось. Множество мыслей, как рой кровососущих насекомых над болотом, кружились сейчас в его голове. Вкупе с крупными каплями ночного дождя они не давали уснуть.

Самой большой головной болью для инквизитора сейчас были не ведьмы и еретики, а начальник королевской тайной канцелярии – Дург Стрэйг. Он – это единственное оставшееся препятствие на пути к полному установлению религиозной власти в государстве. Светская власть в лице короля практически полностью сдала свои позиции. Министры и советники короля боятся открыть рты. Риск попасть в застенки инквизиции у них пока еще мал, а вот вероятность лишиться своих постов уже велика. Другие знатные вельможи, да и практически весь высший свет, давно прекратили жаловаться королю и держат язык за зубами. И только Дург Стрэйг, занявший свой пост после ухода папаши на покой, реально обладающий властью и влиянием на короля, является сейчас костью в горле для Святого престола. Король всячески ему доверяет и очень ценит. Идти в открытую против такого человека престол пока не может. Его нужно дискредитировать в глазах короля, общества, храмовой службы. Единственная зацепка, за которую можно ухватиться, – это его женитьба. Потомственный ледонский дворянин женится на девушке из знатного лоуреанского рода. Ничего необычного в этом нет. Только вот посланные в Лоуреанию инквизиторские ищейки так и не смогли разузнать, из какого именно рода происходит Сесилья Киргин, как записано в книге сочетания браков главного столичного храма. Допросы солдат, участвовавших в походе короля, не дали ровным счетом ничего. Все в один голос говорили, что девушка прилетела с Дургом и ведьмой на огромной птице. Больше никаких подробностей не было.

Именно отсутствие подробностей больше всего терзало инквизитора. Кто она? Лоуреанцы – еретики. Они придавали той войне статус религиозной. Но вызванный на допрос полковой священник, проводивший ее новообращение прямо в королевском походном шатре, утверждал, что она легко отреклась от своей веры. Если она из знатного рода, то она никогда добровольно не пошла бы на смену религии. Это не просто уход из семьи к супругу, это означало полный разрыв с семьей. Но если она не лоуреанка, то кто? Откуда она взялась?

Этот Дург Стрэйг что-то скрывает. Он очень сильная фигура. Единственное его слабое место – это его жена. Святая инквизиция обязательно разузнает истину.

На следующее утро после визита Дурга в университет нагрянула стража, и Максимилиан с вещами увели в замок Галдынор. Как обещал Дург, там его разместили в отдельной комнате, дали новую одежду. Вечером во внутреннем дворе он объездил предназначавшуюся ему лошадь. Познакомиться с животным лучше было накануне, чтобы утром было проще с ним обращаться. Это, надо признать, далось Максимилиану очень тяжело. Дург приехал в Галдынор поздно ночью.

Дург опасался за Сесилью. В Зеевене помимо обычной охраны замка он на время своего отсутствия разместил отряд из лучших бойцов тайной канцелярии и жандармерии под предводительством Карла Безухого. Карлу была вручена бумага с гербовой королевской печатью. В королевском указе запрещалось впускать кого-либо или выпускать из замка кого-либо без личного приказа начальника королевской тайной канцелярии Дурга Стрэйга.

Никто, включая самого короля, не мог войти в Зеевен или потребовать выйти из него без разрешения хозяина замка.

Дургу нелегко далась такая бумага. Наушники короля из числа храмовиков всячески пытались воспрепятствовать этому. Но на этом этапе не смогли справиться с влиянием начальника тайной канцелярии.

Дург прекрасно понимал, что полной гарантии неприкосновенности такая бумага не дает. Но все же, чтобы этот указ как-то обойти или отменить, нужно время. Поэтому поиски королевы не следует затягивать.

Глава 2. В дорогу

Галдынор покинули еще затемно. Из города выезжали через Погребальные, или Захлопывающиеся, ворота. Выезд из этих ворот ведет на городское кладбище. Стражники-вратари, стоящие на этих воротах, рассказывают, что всякий раз, как через них вывозят покойника, створки ворот сами захлопываются. Потому ворота так и прозвали. Также замечали, что если живой человек не из похоронной процессии выезжал из этих ворот, и створки за ним захлопнулись, то этот человек живым уже не вернется.

От Погребальных ворот до границы расстояние было самым коротким. Дург хотел, пока темно, как можно дальше отъехать от города. А может, было внутри желание оглянуться на пророческие ворота. Это путешествие предполагало множество опасностей. Вслух Дург этого не произнес бы никогда, а ворота сами по себе все сделают.

До границы Дурга с Максимилианом сопровождали шестеро всадников из числа преданных Дургу людей. Пока было темно, скакали во весь опор. Когда рассвело, двигались неспешно, стараясь не привлекать внимания.

В полдень Дург с Максимилианом миновали последний пограничный форпост и покинули пределы Ледонского королевства.

На протяжении всего пути до границы рыжий студент не проронил ни слова. Он сосредоточенно пытался удержаться в седле. Максимилиан никогда не ездил на настоящем благородном скакуне. По меркам его семьи, эта лошадь стоила целое состояние. Даже сбруя стоила немислимых денег. На нем была одежда слуги, но у Максимилиана никогда до этого не было такой хорошей одежды. Меч, висевший сейчас у него на поясе, мог быть гордостью для молодого феодала любого знатного рода. Оглядывая простирающуюся, на сколько видит вокруг глаз, степь, вдыхая полной грудью запах полевых трав, Максимилиан чувствовал себя свободным и счастливым, чувствовал себя человеком. Что ждет его впереди, трудно предположить. Это что-то будет наверняка опасным. Но оно точно будет интересным. А значит, решившись когда-то пойти в Лес мертвецов, вырвавшись из состояния нищей дрожащей твари, он сделал правильный выбор. Сейчас он, бывший беднейшим из всех студентов университета, едет на дорогом коне, в достойной одежде, с благородным оружием, бок о бок с влиятельнейшим человеком в королевстве, который выбрал именно его своим верным помощником и оруженосцем.

У Дурга не было столь возвышенных чувств. Он покидал дом с тревожными чувствами. Отец, ушедший на покой после его возвращения из Леса мертвецов, остался в родовом замке. Там очень мало охраны. Раньше семейство Стрэйгов и не заботилось никогда о его охране. Ни у кого не возникало мысли, что на замок могут напасть. В настоящее время Дург не мог исключить и этого.

Сесилья, и так почти не покидавшая Зеевен, теперь была практически под домашним арестом. Сколько это продлится, не знает никто. И хотя то, что стражники Погребальных ворот сами закрыли створки, обнадеживало, все же полагаться только на это суеверие не стоило. Сейчас здесь, в степи, в любую секунду из ниоткуда могла прилететь стрела, и все будет кончено. Но надо верить в лучшее.

С этой мыслью Дург чуть придержал коня, подождал, пока Максимилиан, ехавший немного сзади, поравняется с ним, и бодро заговорил.

– Ну, как тебе, рыжий друг?

– Что как, сеньор? – не поняв вопроса, переспросил Максимилиан, находившийся в своих восхищенных мыслях.

– Конь не норовит сбросить тебя? А как одежда, все подошло, Максимилиан? – стараясь выглядеть бодрым и веселым, скрыть свои волнения, быстро спросил Дург.

– Все великолепно! У меня никогда не было ни такого коня, ни такой одежды, ни таких приключений. Благодаря встрече с вами, Дург, моя жизнь круто поменялась и приобрела вкус.

– Твоя жизнь, Максимилиан, поменялась потому, что ты когда-то поставил себе цель – написать книгу про Лес мертвецов. Ты рискнул, не побоявшись пойти в этот лес, то есть приступил к реализации своей цели. И благодаря этому, ты встретил меня. И при той встрече ты первый сделал шаг, чтобы подружиться со мной.

– Пусть будет по-вашему, сеньор. К тому же вы действительно правы. Я просто до этого не осмеливался думать о себе так, – после этих слов Максимилиан отвернулся в сторону, и опять, уйдя мыслями глубоко в себя, отстраненно рассматривал однообразные пейзажи, тянущиеся вдоль дороги.

Дург не стал прерывать его мысли и тоже дальше ехал молча, думая о своем.

Через некоторое время рыжий студент вернулся к действительности.

– Скажите мне, Дург, мы ведь едем, как я понял, на поиски королевы? Не слишком ли это рискованное предприятие для двух человек? Ведь одно дело ее найти, и совсем другое – забрать и доставить к королю, – не успел рыжий договорить свои вопросы и размышления, как на дороге показались несколько всадников. Рыжий замолчал и неотрывно следил, как небольшой отряд кочевников-степняков, поднимая клубы дорожной пыли, несясь навстречу им с Дургом.

Когда всадники приблизились на расстояние в сто шагов, заговорил Дург:

– Ладно, Максимилиан, ты сейчас достаточно поговорил, теперь помолчи, говорить буду я.

Когда кочевники, по обыкновению своему, с гиканьем, обнажив короткие кривые мечи, окружили путешественников, Дург, подняв вверх правую руку, вдруг неожиданно для Максимилиана и для самих кочевников заговорил на их языке. Да еще делал он это таким властным тоном, что их бравый боевой запал как-то быстро стал угасать. И уже через минуту отряд кочевников, спрятав мечи в ножны, ободряя себя свистом, поскакал в первоначальном направлении.

– Что вы им сказали, Дург? – спросил удивленный студент.

– Я сказал им, что у нас очень важное донесение их повелителю хану Галараю. И что я должен отдать ему его лично, иначе у них будут проблемы. А так как я говорил это не просто на их языке, а еще и на диалекте этих мест, они даже не стали нас обыскивать и приняли все на веру.

– У вас правда есть донесение хану, Дург? – нерешительно спросил Максимилиан.

– Нам главное добраться до ставки хана, мой друг, а там мы уже разберемся, – приободрившись, произнес Дург.

Такие слова Дурга да еще его спокойный уверенный тон успокоили Максимилиана. Только после этого он разжал пальцы на рукояти меча, которую сжал, спрятав под плащом, когда кочевники еще только показались на горизонте. А сейчас отряд степных всадников остался далеко позади. Они поскакали к границе. И теперь Дург и Максимилиан вновь ехали по бескрайнему простору только вдвоем.

Весь день путешественники провели в седле. На ходу пожевали лепешки. Дург не хотел терять время. Ночь в степи наступает быстро. Можно сбиться с дороги. Да отдохнуть и подкрепиться все равно надо.

– Странно, – сказал рыжий студент, – кроме отряда солдат, здесь совершенно не видно жителей. Здесь что, никто не живет? В Ледонии за целый день пути мы проехали бы два – три города и десяток деревень. У нас всегда стараются построить жилье рядом с дорогой.

– Здесь это необязательно, кочевник и по степи проедет на своей лошади. Им дорога особо не нужна. По ней как раз враги могут быстрее доехать. Поэтому степные люди дороги недолюбливают, – ответил Дург.

– Тогда, как по вашему мнению, где нам лучше остановиться на ночлег, здесь, у дороги, или отъехать от нее подальше? – задавая вопрос, Максимилиан явно намекал Дургу, что пора бы уже остановиться. Он уже несколько раз ерзал в седле, пытаясь привлечь его внимание. С непривычки рыжий натер себе весь зад и уже мечтал быстрее слезть с коня.

– Я уже давно выбираю нам место для ночлега, мой друг. Мы уже не раз могли бы остановиться и лечь спать. Но здесь в степи это опасно делать без огня. В темноте стаи степных волков разорвут наших лошадей и могут нас самих застать врасплох. Чем больше людей ночует вместе, тем лучше. Поэтому обычно в степи не отказывают путникам, желающим примкнуть к очагу, – дал пространный ответ Дург.

– Вы не сказали, что никогда не отказывают, Дург. Значит, все же случаи есть? – с некоторой тревогой спросил студент.

– Максимилиан, впереди слева от дороги мерцает огонек, видишь его? – Дург вытянул руку вперед. Но в темноте не было видно даже руки.

– Нет, сударь, я не вижу огонька, у меня слабое зрение, – с досадой в голосе произнес Максимилиан.

– Да ты, мой друг, не только зубами слаб, но еще и глазами? Вот уж выбрал я себе помощника, – сказал Дург с ухмылкой, которую Максимилиан не увидел, но по доброму тону понял, что это была беззлобная шутка.

– Так мы едем к этому огоньку? – спросил рыжий.

– А как ты думаешь, Максимилиан, кто это может быть: пастухи, странники-пилигримы, торговцы, разбойники, прокаженные или головорезы хана? – спросил Дург.

– Дург, давайте лучше заночуем сами. Есть ведь надежда, что нас не сожрут степные волки. Будем дежурить по очереди, в конце концов, – совершенно неуверенным голосом буквально попросил рыжий студент.

– Ну вот, ты сделал ставку почему-то на худшие варианты. А нам ведь может и повезти, – сказав это, Дург пихнул рыжего кулаком в бок. – Надо верить в лучшее, мой друг.

Когда Дург с Максимилианом подъехали к огню, стало ясно, что, перечисляя возможные варианты встречи в ночной степи, этот вариант Дург не учел. Вокруг большого костра сидели работоторговцы. Шестеро крупных мужчин. У каждого из них за поясом был длинный кривой кинжал и толстый кнут из воловьей кожи. В стороне от костра сидели два десятка пленников. На шее у каждого из них было металлическое кольцо. К кольцу крепилась цепь с маленьким кольцом на конце, которое, в свою очередь, надевалось на общую цепь. Таким образом все пленники были скреплены между собой, а общая цепь крепилась к большой тяжелой повозке.

– Мир вам, добрые люди, – обратился Дург на местном наречии к сидящим у костра мужчинам. Понятно, что они не были добрыми людьми, но этикет обязывал к этому.

Мужчины взяли за рукоятки своих кинжалов, но никаких действий не предприняли, поглядывая на самого толстого из них, вероятно, их вожака. И, действительно, толстый ответил Дургу:

– И вам мир. Можете располагаться у костра. Но советую вам с первыми лучами солнца убраться отсюда. Иначе путь вы продолжите в той компании, что сидит дальше от огня.

И он кивнул головой в сторону скованных цепями пленников.

– Не очень радушное гостеприимство, – прошептал Максимилиан, когда они с Дургом спешили и стали снимать дорожные мешки. Он не понял, что сказал толстый вожак, но тон у того и вид были явно недобрыми.

– Ничего, ночевать в одиночку в степи опасно, пока еще мы не освоились с тобой здесь. Плюс каждая встреча может дать нам полезную информацию, а это стоит того, чтобы рискнуть. Но снимать седла с лошадей не будем, – говоря это, Дург нанизал кусок солонины на острие кинжала и подал Максимилиану, чтобы тот пошел к костру и поджарил его.

Рыжий осторожно подошел к костру. Двое из работорговцев любезно отодвинулись, давая ему приблизиться к огню. Он присел и стал, поворачивая кинжал, обжаривать мясо.

Максимилиан очень неуютно чувствовал себя в этой компании. Будь его воля, он бежал бы подальше от этого места. Заснуть он точно не сможет в таком окружении. А так хочется отдохнуть. Отбитый за целый день в седле зад и раскоряченные ноги так просили покоя. Но Дург упорно решил ночевать именно здесь.

Увлечшись такими мыслями, рыжий чуть не спалил мясо. Усатый мужик в чалме пихнул его в бок, когда кусок уже был объят пламенем. Максимилиан стал дуть на мясо, пытаясь сбить огонь. Он так смешно надувал щеки, что очень развеселил работорговцев. Они стали подбадривать его криками. А когда рыжий наконец погасил пламя, усачи разразились громкими аплодисментами и еще долго обсуждали увиденное, периодически заливаясь громким хохотом.

Дург с улыбкой наблюдал за злоключениями своего помощника. Когда Максимилиан принес наконец мясо, он другим кинжалом счистил обуглившуюся корку и разрезал кусок надвое.

Поев мяса, Дург с Максимилианом запили его водой и решили ложиться спать. Неожиданно к ним подошел старший из работорговцев и, обращаясь к Дургу на своем языке, сказал, что они будут ночью в дозоре. За это они могут греться у костра. И в случае опасности быть под общей защитой.

Дург не стал возражать. Тем более и так спать надо было по одному. Слишком опасное соседство у них получалось.

Отправив рыжего студента лечь ближе к костру, сам Дург остался на месте. Дальше от тепла ночная прохлада не даст быстро сморить себя сном.

В принципе, все было не так уж плохо. Костер давал тепло и отпугивал степных хищников. Единственное, о чем сожалел Дург, глядя на замолчавших и увалившихся спать работорговцев, что общение с ними было совершенно бесполезным в плане информации. От них не удалось услышать ничего интересного, что могло бы помочь в поисках.

Дург отвернулся. Взгляд его упал на кучку рабов, жавшихся друг к другу, пытаясь согреться.

– Да, этим бедолагам сейчас еще хуже, – тихо прошептал он.

И тут Дург увидел, как один юноша взмахом руки призывал его подойти. Дург обернулся к костру. Шестеро мужчин уже дружно храпели. Стараясь меньше шуметь, он, не вставая, передвинулся ближе к рабам.

Юноша вдруг заговорил по-ледонски:

– Господин, выслушайте меня и исполните мою просьбу.

– Ты ледонец? – спросил Дург.

– Нет, я просто слышал, как вы говорите с вашим слугой, и стал говорить так же, – ответил юноша.

– Я не смогу забрать тебя из плена, – сразу сказал Дург.

– Я не прошу вас об этом.

– Откуда ты и чего же тогда хочешь?

– Я из страны песков. Я оказался здесь случайно. Нас выбросило из песчаного смерча.

– Вас всех? – Дург обвел пальцем всю толпу сидящих рядом с юношей людей.

– Нет, только меня и его, – и парень достал из-за пазухи маленького щенка, – заберите его себе, он обязательно вам пригодится.

Дург взял щенка в руку. Он был чуть крупнее ладони. На фоне серой шерсти глаза в отблеске костра казались двумя маленькими угольками. И эти угольки сейчас так внимательно изучали лицо Дурга, что он даже поежился.

– Почему ты считаешь, что он может нам пригодиться? Какой нам толк с этого маленького комка шерсти? Я надеюсь закончить путешествие, когда этот пес только научится стоять твердо на лапах, – Дургу совсем не хотелось брать себе обузу в виде маленького животного, о котором придется заботиться в пути.

– Эта собака не доставит вам хлопот. Она очень мало ест, не лает по пустякам и быстро растет. А главное – с ней вы сможете войти в песчаный смерч.

– Ты уже второй раз упоминаешь про этот смерч. Что это такое? – Дург пытался понять, дурачит ли его этот невольник, или в его словах есть рациональное зерно, и от него можно узнать полезную информацию. – Откуда в степи вообще могут быть песчаные вихри, если здесь нет песка?

– Смерчи часто случаются в стране, где я тогда жил, в Сегинтакии. Я гулял с щенком в песчаной долине, когда неожиданно налетел смерч. Щенок отбежал от меня шагов на тридцать. Я звал его к себе, но он заворуженно смотрел на приближающийся к нему песчаный вихрь. Я рванул к нему, схватил и уже повернул назад, но нас буквально втянуло в центр этого сумасшедшего круговорота. Я очнулся здесь, в этой стране, лежащим на траве. Но как только я поднял голову, меня схватили за руки эти усачи, – парень кивнул головой на спящих у костра работорговцев, – и приковали вместе со всеми, еще и очень радовались такой удаче. Щенка они сразу не заметили. Он затаился в траве и только потом, в пути, подбежал ко мне. У меня его все равно заберут. Судя по всему, здесь очень ценятся такие собаки. Недавно я увидел у нас в стране мужчину и женщину, идущих во дворец падишаха, и с ними собака этой породы. На мужчине была одежда такая же, как у вас, но на собаке был ошейник с рисунком восточных правителей. Эти люди проникли к нам из вашего мира. И помог им в этом здешний падишах, это точно, по-другому быть не могло.

Дург протянул руку и взял в ладонь маленький комок с черными глазами-бусинками. Щенок сначала оскалился, но потом лизнул большой палец руки Дурга.

– Ладно, малыш, будем друзьями, – и Дург погладил щенка между ушами.

В этот момент предводитель работорговцев поднял голову и, шевеля длинными усами, грозно прорычал:

– Эй, ты, если будешь разговаривать с рабами, я тебя самого посажу к ним на цепь. Отойди оттуда, не заставляй меня нарушать кодекс степного гостеприимства.

Дургу в этот момент очень захотелось обнажить меч и отрубить эту усатую голову, уста которой осмелились разговаривать в таком тоне с ледонским аристократом, да еще и с чиновником высокого ранга. Но он сдержал себя. Во-первых, это была всего лишь угроза, и усач, на свое счастье, не приступил к ее реализации. А в таком случае уже Дург нарушил бы кодекс гостеприимства. Во-вторых, даже если убить их всех и выпустить пленников, весть об этом случае все равно разлетится по степи. А им с Максимилианом еще надо здесь выполнять задание короля.

Дург посадил щенка в сумку, отодвинулся от пленников и разбудил Максимилиана. Сказав ему, чтобы он даже не смотрел на пленников и тем более не разговаривал с ними, Дург прилег вздремнуть хотя бы на пару часов.

Рыжий честно высидел свое время. Как только первые лучи солнца забрезжили над степью и стали слышны первые сонные перекликивания птиц, он тихонько тронул Дурга за плечо.

Уже через пару минут два всадника медленно удалялись от ночной стоянки в утренней дымке.

Лишь отъехав на достаточное расстояние, всадники пришпорили коней. Солнце поднялось уже достаточно высоко. Становилось жарко. Лошадей не поили и не кормили со вчерашнего дня. Надо было делать привал. Заодно и самим позавтракать.

Попавшиеся навстречу торговцы овечьей шерстью рассказали, что через пару миль справа будет небольшое озерцо, где можно будет напоить лошадей. Путники так и сделали. Распрягли лошадей, дали им вволю напиться и пощипать травы, обильно растущей по берегам озерца. Сами поели сыра с хлебом и после полудня продолжили путь.

К ночи подъехали к ставке хана. По количеству юрт и костров рядом с ними ставка напоминала большой светящийся город. Вдоль дороги стояли шатры для путников. Над кострами на вертелах жарились туши баранов и быков. На столах умело трясли бедрами и животами восточные красавицы в полупрозрачных одеждах.

Максимилиан был очарован здешней обстановкой. Он никогда не видел ничего подобного, и сейчас усталость от двух дней пути по жаркой пыльной степи словно улетучилась. Еще час назад он мечтал быстрее слезть с опостылевшего седла, растянуться на овечьей шкуре и сладко заснуть на несколько часов. Сейчас же он с жадностью смотрел по сторонам, и ему казалось, что он не успевает впитать в себя все великолепие восточной сказки, происходящее вокруг.

От сильного удара в спину рыжий чуть не вылетел из седла.

– Возьми себя в руки, рыжий болван, – первый раз Максимилиан увидел Дурга таким злым.

– Что случилось, сеньор? – студент ошарашенно смотрел на Дурга.

– Я уже давно повернул к шатру и договорился с хозяином о ночлеге и ужине, а ты все ехал прямо и пускал слюни, созерцая местных одалисок. Мне пришлось вновь прыгать в седло и догонять тебя.

– Дург, вы выбрали самый мрачный и скучный шатер из всех, – раздосадовано сказал рыжий, входя в низкую убогую палатку с дырами в боковинах. – Из-за дыр здесь гуляет ветер. Хотя, может, он будет разгонять вонь вот от этих, – и Максимилиан кивнул головой в сторону кучки сидящих на облезлых коврах низкорослых людей, замотанных в тряпье.

– Максимилиан, не стоит говорить плохо о людях, с которыми тебе придется сегодня спать под одной крышей.

– Хорошо, что здесь хоть крыша есть, – пробубнил недовольно рыжий, опустившись на вытертый до дыр ковер, начав развязывать дорожный мешок.

Шатер, который выбрал Дург для ночлега, был небольшого размера и высоты. Для обогрева костер внутри не зажигали. В центре шатра стояло металлическое корыто с тлеющими углями, которые хорошо отдавали тепло без пламени и почти без дыма. Для приготовления пищи был костер снаружи.

– И надо же было вам выбрать шатер даже без стола, – все не унимался в своих претензиях к Дургу Максимилиан.

В шатре было отделено четыре места для еды и отдыха. В центре каждого лежали четыре свернутых войлочных одеяла, являя собой подобие стола. После еды ими укрывались, ложась спать.

Кроме Дурга с Максимилианом, в шатре сидели еще трое мужчин. Были они низкорослые, крепкого телосложения с мертвенно-бледными лицами. За поясом у каждого виднелся меч серповидной формы с наружной заточкой. Таким мечом удобно драться только в очень тесных помещениях.

– Кто это может быть? – спросил Дурга рыжий, показывая глазами на компанию странных людей.

– Это эрлахи, жители подземного города Думы. Надеюсь, их получится разговорить. Хотя они славятся своим нежеланием общаться с чужеродцами, – ответил Дург.

– Никогда не видел живых гномов, – пробормотал Максимилиан.

– Они не гномы, это люди, давно ушедшие жить в подземелья. Вообще интересно, что они делают здесь?

– Откуда вы знаете про них, Дург? Я ничего не встречал про этот город в университетской библиотеке.

– Я бывал раньше в этих краях, изучал их язык и обычаи. Отсюда постоянно исходит угроза нашему государству. Поэтому я всегда хотел узнать, сколько стоят улыбка и заверения в дружбе у этих людей.

– И вы смогли это узнать, Дург? – устало спросил рыжий.

– Думаю, окончательные ответы на эти вопросы мы получим в наступающем завтрашнем дне.

В этот момент раздвинулись полы шатра с противоположной входу стороны, и внутрь вошла девушка с медным подносом в правой руке. Ее поступь была настолько легка, что, казалось, она не касается стопами старых ковров на полу, а пролетает над ними.

Довольно высокий рост и гибкий стан совершенно не привлек внимания жителей подземелий. Видимо, их идеалы женской красоты были весьма далеки от этого. А вот Максимилиан, открыв рот, смотрел, как девушка, грациозно покачивая бедрами, огибала войлочные скатки, служившие подпорами для спин сидящих. Когда она подошла и стала выкладывать с подноса мясо, лепешки и овощи, рыжий попытался коснуться ее руки. Девушка резко отпрянула от него.

– Не стоит этого делать, Максимилиан, – строго произнес Дург. – В кабаке на площади рядом с университетом это было бы вполне уместно. Здесь за такое можно получить кинжал в спину, окажись она дочерью хозяина.

– А вдруг она рабыня, Дург? Давайте выкупим ее, – с небывалым азартом и горящими глазами выпалил рыжий.

– У тебя есть деньги? – с наигранно изумленным видом спросил Дург.

– Нет! Но я отработаю, я достану, найду, – с горечью в голосе, сморщив лицо, тараторил Максимилиан, глядя вслед уходящей девушке.

– Не переживай, она еще вернется, принесет нам напитки, – почти не скрывая смех, сказал Дург, глядя на жалостливое лицо своего спутника.

Рыжий насупился и отвернулся, придав своему лицу, насколько это было возможно, надменный вид.

Полы шатра раздвинулись. Максимилиан с надеждой устремил туда свой взор, но внутрь вошел толстоватый мужчина в чалме и с пышными длинными усами. Он степенно прошел по шатру и, подойдя к Дургу с Максимилианом, спросил, все ли их устраивает.

Дург поблагодарил хозяина заведения за гостеприимство и спросил, будут ли эрлахи ночевать с ними в шатре? От них исходил не очень приятный запах, и соседство на целую ночь было серьезным испытанием. При этом Дург выказал удивление, что они вообще выходят к людям. Хозяин шатра рассказал, что иногда эрлахи приходят продать золото и драгоценные камни, найденные ими в подземельях. Себе покупают соль, специи, чай, иногда рабов, участь которых вообще незавидна. Ночевать они будут здесь. Завтра большой рыночный день. Скорее всего, по результатам завтрашней купли-продажи они решат, когда поедут назад. До Думы отсюда три дня пути. Но эрлахи передвигаются только ночью. На день они роют норы и пережидают солнцепек в них. Солнце губительно для жителей пещерного города.

– Вы знаете их язык? – спросил Дург хозяина шатра.

– Я могу изъясняться с ними, – ответил тот.

– Спросите у них, как встретиться с их правителем. Я хотел бы нанести визит в город Дума, – попросил Дург.

Хозяин шатра подошел к эрлахам, несколько минут беседовал с ними с помощью слов и жестов и, наконец, вернулся обратно.

– Они сказали, что чужеродец может попасть в их город только через Пещеру потерянной души. Если он сможет пройти через Пещеру, значит, он уже не опасен для города. В противном случае чужестранцам вход в город закрыт.

– А где находится вход в Пещеру? – попытался ухватиться за любую ниточку Дург.

– Они не сказали этого. Все, что я услышал от них, я передал. Но я и раньше слышал, что эта пещера – единственный путь из нашего мира в Думу. Другие эрлахи рассказывали, что из мира песчаных бурь пещера намного короче. Из нашего мира пройти ее невозможно. Я все сказал, – словно подвел черту в разговоре хозяин шатра и замолчал.

Дург понял, что больше никакой информации ему не добиться, и не стал продолжать этот разговор, дабы не выглядеть слишком назойливым.

– Пусть ваша дочь подает нам чай, – с легким поклоном произнес Дург, тем самым соглашаясь с окончанием разговора.

– Нийдэ – рабыня, она не дочь мне, – ответил хозяин шатра с легким кивком головы.

Дург в ответ еще раз слегка наклонил голову.

– Максимилиан, – обратился к своему слуге Дург, присаживаясь на ковер, – девушку, которая прислуживает нам, зовут Нийдэ.

– И она, конечно же, дочка хозяина? – с досадой в голосе, выпустив при этом весь воздух из своей тщедушной груди глубоким выдохом, произнес рыжий.

– Да нет, мой друг, она всего лишь рабыня, – сказал Дург, пристально вглядываясь в лицо Максимилиана, пытаясь не пропустить его реакцию на сказанное.

Широкая гнилозубая улыбка не заставила себя долго ждать. Ожидаемая Дургом улыбка. Еще ни разу ему не удалось сдержать смех, когда он видел, как рот Максимилиана, раздвигаясь, тянул за собой все лицо, превращая его в почти клоунскую гримасу. Дург специально провокационной фразой узнал у хозяина шатра про девушку и сейчас был явно доволен собой, производя впечатление на рыжего друга.

– Когда же она уже принесет нам чай, – заерзав на потертом ковре задом, с нетерпением в голосе проговорил рыжий.

Когда девушка, по обыкновению, «вплыла» в шатер, Максимилиан так пристально впился в нее взглядом, что Дург опять рассмеялся, проследив за ним. Девушка поставила чайник с чашками перед гостями и собиралась уходить, но Дург неожиданно спросил ее:

– Нийдэ, тебе нравится мой спутник?

Она на секунду остановилась, бросив украдкой смущенный взгляд на рыжего студента, и, не сказав ни слова, убежала.

Как только она скрылась за пологом шатра, оттуда раздалась громкая брань хозяина.

– Что вы сказали ей, Дург? – с озабоченно-испуганным видом спросил Максимилиан.

– Ты думаешь, у нее из-за этого сейчас проблемы? – совершенно спокойно ответил Дург. – Перестань, мало ли за что может получить взбучку кухонная прислуга.

– Простите меня, Дург, за то, что я вам сейчас скажу, но смолчать я не смогу, – говоря эту фразу, Максимилиан был серьезен, как никогда. – Вам, сеньорам, непонятны большие беды и обиды маленьких людей. Для вас это всего лишь рядовая, ничего не значащая взбучка прислуги. А я, если услышу сейчас, что этот толстобрюхий усач бьет ее, выну свой меч, пойду и вспорю ему его толстое брюхо.

– Не слишком ли рано ты решил по всякому мелкому поводу пускать в ход оружие? Ты стал слишком сердобольным и сентиментальным? Или любовь с первого взгляда вскружила тебе голову так, что ты готов завтра на рыночной площади лишиться этой самой головы? Да еще и меня потянуть за собой. Даже если я не стану защищать тебя, они тот факт, что я при-

ехал с тобой, уже поставят мне в вину. Не говоря уже о том, что своим безумным поступком ты поставишь крест на выполнении задания короля, задания государственной важности.

Речь Дурга была убедительной. Максимилиан приутих, осознав, что погорячился. Он извинился, пообещав впредь быть более сдержанным.

– Я намеренно задел твои чувства, – продолжил Дург, – история знает случаи, когда из-за любовных связей люди предавали своих соплеменников, сдавая врагу целые города.

– Я все понял, сеньор. Еще раз простите меня. Можно теперь я прилягу? Сидеть сегодня я уже больше не могу. Седло – это очень большое испытание для меня.

Только когда Максимилиан растянулся на потертых коврах, Дург вспомнил про собаку.

Засунув руку в дорожную сумку, нащупав маленькое пушистое тельце, он удивился, что в сумке было сухо и чисто. Надо же, такой маленький щенок, а за такое долгое время ни разу не нагадил. Да и сидел молча, ничем себя не выдавая. Хотя наверняка очень голодный. Дург покормил щенка объедками со стола и вышел с ним из шатра. Когда он вернулся, эрлахи встретили его недружелюбными взглядами, увидев в руках собаку. Сунув щенка обратно в сумку, Дург так же, как и храпевший уже всю рыжий, растянулся на старых коврах.

– Как ваше величество намерено поступить со своей супругой после официального расторжения брака? – вкрадчиво спросил короля инквизитор Хилакиус, сидя за позолоченным столом, на ставших уже традиционными совместными обедами с духовенством в королевской резиденции.

– Раньше мне хотелось побыстрее казнить ее. Теперь я даже не знаю, что с ней делать после развода. Разве что отправить ее в какой-нибудь монастырь в вашем ведомстве. Как вы на это смотрите, святой отец?

– Это будет благородным решением милостивого государя. Мы должны прощать своих врагов. Тем более тех, кто изначально не были нашими врагами, а оказались впоследствии заблудшими овцами. Так будем же пастырями для них и с благородством сильного наставим их на путь истинный.

– Я рад, что вы поддержали меня в моем решении, святой отец.

– Благодарю Вас, ваше величество.

После обеда король уединился в рабочем кабинете. Только там оставался еще висеть портрет его прошлой супруги. Он не знал, по какой причине приказал оставить его на месте, хотя по всему дворцу ее портреты сняли и сожгли. Дидарт III не знал, хочет ли он увидеть ее живой еще раз. И как вообще будет лучше, чтобы она была жива или мертва? И почему вдруг инквизитор спросил про ее прощение? Зачем вообще храмовикам понадобилась эта процедура с разводом? Королева, пусть даже еще формально действующая, объявлена изменницей и государственной преступницей. Это дает право заочно лишить ее всех званий и привилегий и забыть про нее вообще. Но почему-то клирикалы хотят ее видеть в столице, живой или мертвой. Такие ли они друзья, какими хотят казаться? Единственный настоящий и преданный друг рискует сейчас жизнью в чужих землях ради того, что можно решить здесь и без всяких проблем.

Инквизитор Халакиус просил отдать ему в ведомство Галдынор. Видимо, своих тюрем у инквизиции уже не хватает. Хотя костры на центральной площади горят каждую неделю. Значит, количество заключенных должно уменьшаться. А тюрем не хватает. Странно. У нас что, столько неверующих людей в королевстве? Но ведь не может же святой престол ошибаться. Хотя Дург что-то говорил ему по этому поводу. Надо будет узнать, когда он вернется. А пока в дворцовый храм – помолиться.

Дург с Максимилианом вышли из шатра рано утром. Завтракать не стали, надеясь откусать яств на восточном базаре. Искушение вряд ли получится побороть, а на сытый желу-

док удовольствия не получишь. Да еще к обеду Дург собирался нанести визит к правителю здешних степей – хану Галараю. Поэтому из шатра вышли первыми.

Удивлять рынок начал с первых же шагов. Максимилиан никогда не видел шестиногих верблюдов.

– Да, идеальный вариант для перевозки грузов по степи и пустыне, – восхищенно произнес он, глядя на крупное величавое животное с невероятно надменной мордой.

– Ты бы вообще мог ездить на таком лежа, да, Максимилиан? – пошутил Дург.

Но рыжий ничего не ответил на шутку, он уже раскрыв рот смотрел на очередную диковинку – «лягушку-предсказательницу». Это было необычное существо. В центре площади на расстеленной коровьей шкуре сидело нечто, напоминающее одновременно и огромную лягушку, и человека. На большой круглой голове были человеческие глаза, но рот во всю ширину морды. Задние лапы лягушачьи, а передние больше напоминали руки человека. В большом грузном теле с бугорчатой скользкой кожей угадывались очертания и ожиревшего человека, и обычной жабы. Каждый, кто хотел узнать свое будущее, подходил к стоящему рядом хозяину лягушки. Покупал у него крысу и бросал ее в лягушачью пасть. После громкого проглатывания и причавкивания лягушка гортанным голосом произносила предсказание. Толпа, окружившая это чудо, с громкими возгласами или сочувственным гудением принимала сказанное очередному жаждущему узнать свою судьбу.

Дургу было совсем не интересно такое развлечение. А вот рыжий загорелся идеей узнать, что ждет его впереди.

– Максимилиан, на ближайшие несколько дней, а может, и недель я сам могу предсказать тебе твое будущее. Да и после возвращения домой тоже. Дома я даже могу изменить твою судьбу. Ты же меня знаешь, – с улыбкой произнес это, Дург развернулся и уже сделал шаг, чтобы пройти мимо этой диковинки. Но Максимилиан схватил его за рукав.

– Сеньор, узнайте, сколько стоит крыса, пожалуйста.

Дург взглянул на студента, не став ничего говорить, пошел к хозяину лягушки.

– Можешь дать ему три царта, будет достаточно, – не оборачиваясь, сказал Дург стоящему прямо за его спиной Максимилиану.

– Держи крепче! Уронишь – убежит, придется платить еще раз, – крикнул Дург рыжему, неуверенно державшему крысу, зажатую между двумя тонкими палочками.

Максимилиан подошел к лягушке. Начиная с его первого шага, она пристально смотрела ему в глаза. Рыжий подошел вплотную, но она не открывала рот, продолжая смотреть прямо в глаза. От волнения у Максимилиана затряслись колени и руки. Крыса, зажатая между палочками, стала еще сильнее извиваться, норовя вырваться на свободу.

– Ну, открывай же ты уже быстрее рот, – процедил сквозь зубы рыжий, еле удерживая крысу, совершенно не желавшую умирать во чреве бородавчатого чудовища.

Вдруг лягушка опустила глаза вниз, пасть ее чуть приоткрылась, и гортанным голосом она произнесла: «Зачем ты подошел ко мне, будущий убийца Харона?»

Максимилиан не понял, что сказала лягушка, но, увидев, как в ужасе отпрянули от него те, кто еще секунду назад в голос хохотали над нескладным парнем с извивающейся крысой в руках, выронил эту самую крысу и растерянно посмотрел на Дурга.

– Она пошутила, – выкрикнул Дург в толпу, одновременно схватив рыжего за рукав и потащив его подальше от этого места.

Ничего не говоря, Дург тащил Максимилиана через базарные ряды. Остановились они только в том месте, где было много людей, но не было видно товара. Оказалось, что в этом месте люди и были тем самым товаром. Это был рынок рабов.

– Что она сказала, Дург? – спросил рыжий, когда Дург наконец отпустил его руку, и оба они смогли отдышаться.

– Я потом расскажу тебе, а пока делаем вид, что мы выбираем товар.

Обойдя несколько групп выставленных на продажу людей, Дург наконец решил, что они могут вновь идти в товарные ряды. Но уже выходя с того места, где торговали живым товаром, он заметил юношу, который упробил его забрать щенка. Рядом крутились три толстых усача, старательно нахваливая свой товар.

Работоторговцы узнали ночных попутчиков. После обязательных ничего не значащих приветствий Дург сказал, что хочет приобрести кое-какой товар на рынке, и ему нужен носильщик в дороге. Юноша был самым молодым и физически развитым из всех невольников у этих торговцев. Сначала усачи заломили за него баснословную цену. Но Дург, знакомый с восточным менталитетом, начал торговаться и делал это так искусно, что работоторговцы продали невольника за треть от первоначальной цены, но получили такое удовольствие, что после сделки хлопали Дурга по плечу, пытались обнять, долго трясли его руку, никак не давая уйти.

Как только ему удалось вырваться из сальных объятий, купленный юноша подошел вплотную и сказал, что Дург не пожалеет о своем выборе.

– Господин, я очень признателен вам за ваш поступок, я готов служить вам верой и правдой. Деньги, потраченные на меня, вернутся вам с прибылью.

– Как зовут тебя? – устало спросил Дург.

– Анкелай, мой господин, – ответил юноша.

Прикупив продуктов в дорогу, все трое отправились к шатру. После обеда Дург планировал нанести визит местному правителю – хану Галараю.

Войдя в шатер, Дург с Максимилианом с удивлением увидели внутри около десятка стражников. Растерянный хозяин сразу указал стражникам на вошедших постояльцев.

До того как ему задали первый вопрос, Дург заметил тела эрлахов с перерезанными глотками. Стало сразу понятно, о чем будут вопросы.

– Отдайте нам свое оружие и вещи и не вздумайте сопротивляться, – громким приказным тоном произнес начальник стражи. – Вы обвиняетесь в убийстве и ограблении гостей нашего повелителя, коими являются все прибывающие на наш базар. Завтра утром вы будете казнены на торговой площади.

– Вы точно знаете, что этих несчастных лишили жизни мы? – совершенно спокойно спросил начальника стражи Дург.

– После того как утром вы вышли из шатра, рабыня-прислужница обнаружила эрлахов мертвыми. Они, как известно, привозят на продажу драгоценные металлы и камни, – с подчеркнутым высокомерием, шевеля длинными усами, проговорил стражник.

– Скажите, ледонский дворянин похож на разбойника? И даже если на его месте был бы разбойник, стал бы он после убийства и ограбления спокойно расхаживать по рынку, да еще и вернуться, вместо того чтобы сесть на лошадь и под покровом ночи уехать далеко от места своего преступления. Вы можете проверить наши сумки и мешки. И если драгоценностей в них не обнаружится, то какие еще аргументы вы можете привести в пользу вашего обвинения? – сказав это, Дург протянул стражнику свою сумку.

Уверенный тон, веские доводы и открытость полностью поменяли отношение начальника стражи. Его подчиненные вытряхнули все содержимое сумок и мешков Дурга и Максимилиана. Никаких драгоценностей там не оказалось. Начальник стражи взял в руки щенка.

– Откуда у вас эта собака? – спросил он Дурга, пристально посмотрев ему в глаза.

– У развилки дорог на Молдоросар мне продал ее один старец. У меня в родовом замке много собак. У этого щенка крепкие лапы. Думаю, из него выйдет отменный охотник, – невозмутимо, без малейшего подозрения в том, что он говорил неправду, произнес Дург.

Начальник стражи вернул щенка Дургу. Повернувшись к подчиненным, отдал команду схватить хозяина шатра. На удивленный возглас того он ответил:

– В твоём заведении произошло убийство, а ты ничего не видел и не слышал. Значит, это ты их убил!

Нескольким уже собравшимся у шатра зевакам начальник стражи торжественным тоном объявил, что имущество преступника будет распродано завтра. Он дал указание двум воинам охранять шатер и все, что в нем есть.

– Могу я сразу купить эту тощую девчонку? – спросил Дург уже развернувшегося уходить стражника. – Мне не мешает в дороге прислуга.

– По закону...

– Я знаю и очень чту законы вашей страны, – не дал договорить старшему стражнику Дург, снимая с пояса мешочек с золотыми монетами.

Когда стражники, за исключением двоих оставшихся сторожить шатер, удалились, Дург приказал Максимилиану и Анкелая седлать лошадей и собираться в дорогу. А Нийдэ поторопиться все же с обедом.

Когда Дург сам решил поправить сбрую своего коня, к нему подошел нищий сгорбленный старик с длинной палкой в руке.

– Ты хочешь есть? – с легким раздражением спросил Дург на хикейском языке.

Старик не ответил ему на этот вопрос.

– Советую вам скорее убираться отсюда. Завтра этот несчастный лишится головы. Может, и правда, это он убил эрлахов, но в любом случае он хотел, чтобы думали, что это сделали вы. А может, убил кто-то другой, но у него была та же цель. Стража в любом случае доложит о вас хану. И даже если ты теперь выбросишь этого пса, неприятностей вам не избежать, – сказал старик.

Последние его слова были слышны как бы издалека. Дург в это время сам поправлял сбрую своего коня. Когда он повернулся, старика уже не было. Дург огляделся. Старик как будто растворился в воздухе.

– Опять разговор о собаке, – еле слышно сам себе произнес Дург. – И дед туда же. Кто он такой, что городит. – Дург не придавал значения словам старика.

После этого он взглянул на Анкелая, помогавшего Максимилиану укрепить поклажу к седлу. Кто он такой, пока загадка, но, возможно, он станет ключом к разгадкам других загадок. С этой мыслью Дург вскочил в седло и скомандовал отряду отправляться в путь. А про себя подумал: «Опять отряд сформировался. Планировал же путешествие в одиночку со слугой-оруженосцем. Ладно, Анкелая купил явно для пользы дела. Время вскоре должно это подтвердить. А вот устраивать личную жизнь Максимилиана в этом походе не планировалось совершенно. И теперь еще обуза в виде молоденькой девушки, которую придется везе таскать за собой, а возможно, и жизнью из-за нее рисковать».

– Ох уж эта моя доброта! – громко произнес Дург, поглядев на двух купленных рабов, и покачал головой. – Нийде с Анкилаем идут пешком, – нарочито грубоватым тоном скомандовал Дург, – и скажите спасибо, что сумки едут на лошадях.

– Да, господин, – в один голос ответили девушка с парнем и низко поклонились.

Глава 3. Дорога на Думу

Маленький отряд спешно покинул пределы «степного города», как назвал это огромное скопление шатров Дург, когда они с Максимилианом подъезжали впервые к этому месту. Хотя ставка хана на хикейском языке – «Ахлан кюрюм», так и переводилось – «степной город».

Из-за двух пеших рабов двигались очень медленно. Нехорошее предчувствие не покидало Дурга с момента возвращения их с Максимилианом к шатру после хождения по рынку. И когда за спиной послышался стук копыт, Дург понял, что предчувствие его не обмануло.

Пока успокаивало то, что догонял отряд всего один всадник. Когда он доскакал, все увидели того самого начальника стражников, забравших хозяина шатра.

– Отдай мне свою собаку, ледонец, и поедешь дальше, – без предисловий произнес тот.

– Я поеду дальше в любом случае, – хладнокровно ответил Дург.

– Ты, значит, не хочешь по-хорошему, ледонец? Хорошо, я скажу хану, что ты украл рабыню. Это ты убил и ограбил эрлахов, подставив хозяина шатра. А когда его схватили, ты присвоил себе его рабыню, – говоря эти гадости, стражник смаковал каждую фразу, видно было, что это доставляет ему удовольствие.

– Если у тебя все, то мы продолжим путь, – отворачиваясь, произнес Дург и пришпорил коня.

Свистящий звук от вытаскиваемой из ножен сабли оповестил о том, что стражник решил, что рабы и слуги не будут ввязываться в драку, а один на один он победит ледонского дворянина.

Дург был готов к такому развитию событий и успел вынуть меч из ножен едва ли не раньше своего визави. Но в следующий момент Анкелай с такой силой пихнул в бок коня стражника, что тот отлетел на несколько метров и, упав на бок, придавил своим крупом всадника. С проворством степного волка он подскочил к обездвиженному противнику и ловким резким движением сломал ему шею.

– Никто не посмеет угрожать моему хозяину, – сказал вслух Анкелай, глядя на мертвого стражника взглядом хищного зверя.

Но через секунду лицо его стало вновь спокойным, и он покорно пристроился вслед коню Дурга.

– Я разрешаю тебе взять его саблю, – сказал Дург, повернувшись к Анкелаю.

– Мне не нужно оружие, мой господин. Если мне еще потребуется защитить вас, я справлюсь без всякой сабли.

«Странно, – подумал про себя Дург, – если он обладает такой силой, почему он не убежал из плена работорговцев? Да он и от меня может, теоретически, уйти в любое время, если захочет».

– Давайте поторапливаться, погоня не заставит себя долго ждать. Наверняка он дал своим подчиненным определенные указания на этот счет, – говоря это, Дург кивнул в сторону мертвого стражника. – Анкелай, не хочешь саблю, возьми его коня, садитесь с Нийдэ и поехали уже.

Лошадь, оправившись после сильного удара, встала на ноги и сиротливо стояла около мертвого хозяина. Анкелай посадил Нийдэ в седло, а сам, взяв лошадь под уздцы, побежал рядом.

Сначала ехали по дороге. Гнали лошадей средним темпом. Нельзя сильно загонять их. Чтобы оторваться от погони, ехать придется без остановок на отдых.

Через пару десятков миль свернули с дороги, пытаясь оторваться от погони. Но знающие степь как свои пять пальцев кочевники по следам легко вычислили, куда поехал

отряд. Еще и босые ноги Анкелая, на удивление не отстававшего от лошадей, наверняка помогли им.

Расстояние между убегающими и погоней неумолимо сокращалось. Стало ясно, что стычки не избежать. Дург оглядывался, пытаясь в клубах пыли посчитать нападающих. Минимум полтора десятка. Не так уж много, но в голой степи они моментально окружают и просто расстреляют их из луков. С минуты на минуту стрелы и так начнут свистеть над головами. Шансов было мало.

Нийдэ на удивление хорошо держалась в седле. А вот из Максимилиана наездник был никакой. Часто движения его тела не совпадали с движениями лошади. И тогда его зад больно шлепался о седло с такой силой, что рыжая шевелюра вздымалась при этом, словно стог сена, раздуваемый ветром.

Дург стал лихорадочно продумывать варианты действий. Бой был неизбежен.

В этот момент Анкелай, взявшись одной рукой за седло, на ходу вскочил на лошадь Нийдэ. Пустив лошадь во весь опор, они поравнялись с Дургом.

– Мы приближаемся к песчаному вихрю. Когда подъедете к нему, бросьте впереди себя щенка и ничего не бойтесь. А этих я задержу, – сказав это, Анкелай спрыгнул с лошади.

Дург посмотрел вперед. Действительно, на горизонте был виден огромный столб из песка. Он оглянулся назад. Раб, купленный на рынке, скрылся в клубах пыли, поднимаемой копытами трех лошадей.

Спрыгнув с лошади, Анкелай упал на землю и, распластавшись, стал прислушиваться к приближающемуся топоту коней кочевников. Лежащий ногами по ходу их движения, присыпанный дорожной пылью, он был невидимым для догоняющих.

Когда звук от ударов копыт передовых лошадей стал слышен уже в нескольких метрах, Анкелай резко встал, оказавшись между двумя наваливающимися на него всадниками. Схватив их лошадей за передние ноги, Анкелай резко повернулся вокруг своей оси. Остальные всадники из отряда на полном ходу натолкнулись на непредвиденное препятствие. В свалке ноги и шеи ломали и люди, и лошади.

Дург сунул руку в сумку. Нашупал маленький мягкий теплый комоч. Движущаяся по кругу огромная стена песка неумолимо приближалась.

– Ну, дружок, как бы мне ни было тебя жаль – выбора у нас нет, – с этими словами Дург сильнее сжал щенка и, когда до стены песка оставалось не более двадцати шагов, вынул его из сумки и с силой швырнул вперед перед собой. – За мной, не останавливаться! – успел крикнуть Дург.

Трое всадников на полном ходу вошли в движущуюся массу песка.

В полдень к воротам замка Зеевен подъехали три всадника. Стражники ворот доложили об этом Карлу Безухому, и он сам вышел узнать в чем дело.

– Что вам здесь надо? – в своей грубой манере спросил Карл, выглянув из бойницы над воротами.

По форме всадников он понял, что это храмовая стража, и ничего хорошего от встречи с ними ждать не приходится.

– У нас бумага, подписанная его преосвященством кардиналом Геолеоном о вызове маркизы Сесильи Стрэйг в канцелярию священной инквизиции для беседы. Я, капитан канцелярии священной инквизиции, уполномочен доставить маркизу для аудиенции с его превосходительством, верховным инквизитором Хилакиусом, – торжественным тоном ответил Карлу Безухому один из всадников.

– Послушай, капитан, советую тебе убраться прочь отсюда, ибо у меня есть бумага, подписанная его величеством королем Ледонии Дидартом III, о том, что я могу посылать ко

всем чертям таких умников, как ты, со всеми их бумагами, кардиналами и инквизиторами, – высказался Карл в своей коронной манере.

– Ты пожалеешь, солдат, что позволил себе говорить так со мной, – ответил капитан храмовой стражи и, развернув коня, поскакал от ворот замка. Его спутники последовали за ним.

Инквизитор был взбешен. После получения донесения о том, что его посланникам был дан от ворот поворот, он в ярости ходил по комнате, постоянно повторяя, что он хотел решить все по-хорошему.

– Я сотру этот замок с лица земли, – выкрикнул вслух Хилакиус и велел подать повозку.

От резиденции до канцелярии расстояние было не более четверти мили, но грузное нескладное тело великого инквизитора не терпело даже таких незначительных походов, и он всегда передвигался на повозке.

Войдя в канцелярию, он увидел капитана храмовой стражи, того самого, что ездил в Зеевен на переговоры. С размаха инквизитор ударил его по голове посохом с тяжелым резным костяным набалдашником на конце. Качнувшись, капитан опустил на одно колено. Из-за уха у него потекла струйка крови. Инквизитор замахнулся еще раз, но в последний момент опустил посох.

Бросив посох на пол, инквизитор Хилакиус вдруг с непривычным для него проворством ринулся к лестнице, ведущей в подвалы, из которых доносились истошные крики пытаемых в застенках людей.

На удивление легко сбегав вниз по достаточно крутой лестнице, инквизитор вошел в одну из пыточных камер. Слева он увидел сидящего на полу узника. Его руки и шея были прикованы цепью к стене, а на ногах были массивные деревянные колодки, из которых торчали две босые черные от грязи стопы. Инквизитор взглядом разъяренного зверя посмотрел на его ноги, потом огляделся по сторонам, вытащил из горна раскаленные докрасна щипцы и, подойдя к узнику, методично, один за одним, под душераздирающие крики несчастного откусил щипцами все десять пальцев на его ногах. Удовлетворив свой животный инстинкт, выпустив наружу таким способом свое бешенство, он еще постоял некоторое время, вдыхая запах паленой плоти. Через пару минут, отрешенно глядя на корчащегося и стонущего от боли заключенного, Хилакиус вдруг испустил глубокий выдох. Тело его обмякло. Он с огромным трудом поднялся по лестнице обратно вверх.

Сидя в кабинете за массивным дубовым столом, приготовив бумагу и уже взяв в руку перо, он неожиданно все отодвинул в сторону.

– Архиепископ все равно не даст разрешения на штурм Зеевена, зачем зря переводить бумагу и чернила, и кардинал здесь не поможет, – в сердцах высказался вслух Хилакиус и в тяжелых раздумьях откинулся на спинку кресла.

Дург попытался открыть глаза. Яркое солнце ослепляло при малейшей попытке раздвинуть веки. Крупная галька, на которой он лежал, больно давила в спину. Сев и прикрыв ладонью глаза он, смог немного оглядеться. Рыжий лежал рядом. Дург чуть потянулся ногой и пнул его в плечо. От испуга Максимилиан сразу подскочил и вытянулся в струнку, хотя глаза при этом еще не открыл. А когда открыл их, то рот его расплылся в широкой гнилозубой улыбке.

– Посмотрите по сторонам, Дург, – расслабленно, с наплевательской интонацией в голосе произнес Максимилиан.

Увиденное заставило Дурга самого вскочить на ноги. Вокруг, окружив их рыжим кольцом, лежала огромная змея. Шкура ее была того же цвета, что и крупная галька под ногами. Ослепленный яркими лучами солнца, Дург сразу и не заметил ее. Рука невольно потянулась к рукояти меча.

– Оставьте это дело мне, мой друг, – выпятив хилую грудь, с пафосом сказал рыжий. – Разве вы не помните, что произошло с тем миражом, который так напугал нас в Овражьей пустоши? Это такой же мираж, только в пустыне. Сейчас я развею его.

Максимилиан вынул свой меч и для придания большей драматичности моменту искал свою физиономию, оскалив черные зубы. С боевым кличем, который в его случае больше походил на мальчишеский ор, он ринулся на змею.

Но дальше все произошло совсем не так, как в Овражьей пустоши Леса мертвецов. Когда до цели Максимилиану оставалось не более пяти шагов, змеиная голова, раскрыв огромную пасть с длинными ядовитыми зубами, метнулась в его сторону. Как рыжему удалось увернуться от этой пасти, он и сам не понял, но через мгновение с вытупленными глазами и с криком: «Мама, она настоящая!» – он уже бежал назад к Дургу.

Дург, обнажив меч, сделал шаг в сторону от несущегося на него Максимилиана и был готов уже нанести удар, но в этот момент змея исчезла, а стопы опустились во что-то мягкое. Опустив глаза вниз, Дург увидел, что стоит в мягком сыпучем песке, а вокруг его ног обвилась тонкая неприметная змейка. Откинув ее ногой, Дург, ничего не понимая, повернулся к пробежавшему мимо него Максимилиану. Тот стоял ошарашенный. Во взгляде его читался тот же вопрос.

Ситуацию прояснила Нийдэ, очень кстати появившаяся из-за песчаной дюны, ведя под уздцы двух лошадей.

– Это Лирния – страна злобных гномов, – сказала она.

– Но гномы живут в горах, в пещерах, – возразил ей Максимилиан.

– Лирния очень маленькая страна. Посмотрите направо, вот уже и горы видны, пустыня заканчивается. Только нам надо быстрее выбираться отсюда. Каждые два часа все, кто попал в Лирнию извне, становятся маленькими, такими же, как и гномы, населяющие эту страну. В пустыне опасны змеи и пауки, а в горах гномы, которые кладут рядом с входами своих пещер золото и драгоценные камни. Войдя внутрь пещеры, любопытный путешественник идет все дальше и дальше. В глубине он видит несметные богатства гномов и пытается набрать побольше, глупец, не понимая, что в обычной жизни – это пылинки. Из-за своей жадности человек не замечает времени, не успевает выйти и, увеличившись в размерах, застревает в узких подземных коридорах. Здесь-то гномы-людоеды и приступают к своей кровавой трапезе, быстро разделявая тело несчастного пленника своими маленькими острыми лопатками и топорами, – закончила свой рассказ Нийдэ.

– Да, лучше здесь не задерживаться, – как бы подытожил ее рассказ Максимилиан.

– Откуда ты все это знаешь? – спросил Дург.

– Я эссийка, наши земли недалеко отсюда, – сказав это, Нийдэ подвела лошадей, – Надо быстрее ехать отсюда.

С поклоном она протянула уздечку Дургу. Повернувшись к Максимилиану, собиралась сделать то же самое, но он остановил ее.

– Не надо мне кланяться, Нийдэ, я не твой господин, – решительно произнес рыжий и, взглянув на Дурга, спросил: – Сеньор, разрешите ей ехать со мной в седле?

Дург не стал возражать. Максимилиан запрыгнул на лошадь и помог девушке взобраться и сесть перед ним.

Копыта лошадей утопали глубоко в песке. Быстро ехать не получалось. Но Максимилиану сейчас хотелось ехать как можно медленнее. Его руки, держащие уздечку лошади, практически обнимали прекрасную девушку. Покачиваясь в такт лошади, она периодически спиной касалась его груди. Он вдыхал аромат ее волос. Нищий студент, который никогда не мог себе позволить общения даже с продажной девкой из рыночного кабака, сейчас ехал на прекрасном скакуне, достойно одет, с благородным оружием и рядом с ним – прекрасная

дева. В этот миг нищий рыжий студент чувствовал себя благородным рыцарем. И он хотел, чтобы этот момент продолжался как можно дольше.

Дург остановив коня, подождал, когда Максимилиан с Нийдэ поравняются с ним.

– Нийдэ, я надеюсь, мы едем в Думу? – спросил Дург.

– Да, мой господин, после лирнийских гор будет широкая степь. В середине этой степи стоят невзрачные глиняные горы. Именно в этих горах вход в подземный город Дума.

– Ты знаешь, как попасть внутрь города? – продолжил расспрос Дург.

– Чужаки могут попасть в город только через Пещеру потерянной души, – ответила девушка.

– Ты была в этой пещере?

Нийдэ молчала. Дург уже хотел повторить свой вопрос.

– Была один раз, – тихо ответила девушка, опередив Дурга.

– Судя по твоему ответу, ничего хорошего в этой пещере нет? – то ли вопросом, то ли просто в размышлениях произнес Дург. – Но выжить там, значит, можно, раз ты сейчас с нами. Ты хотела проникнуть в Думу?

– Я была отправлена туда в наказание для принесения жертвы Харону, – сказала Нийдэ и низко опустила голову.

Максимилиан, не поняв ответа, но, глядя на несчастный вид Нийдэ, взявшись за уздечку двумя руками, практически обнял девушку. Ему так хотелось в этот момент заботиться о ней, согреть и оберегать ее. И если Дург желал скорее уже проехать эту пустыню, где копыта лошадей, утопая в песке, не давали продвигаться с достаточной скоростью, Максимилиану хотелось, чтобы такая дорога длилась как можно дольше. Он рисовал в своем воображении, как закончится поход, все они вернутся домой, он отдаст Дургу деньги, уплаченные за Нийдэ, и они смогут сыграть свадьбу. Неизвестно, разрешат ли им обоим жить в университетской комнате. Скорее всего, придется идти на службу к Дургу. Любовь, будущая семья брали сейчас верх в воображении Максимилиана.

У Дурга были совсем другие мысли.

– Харон приходит в Пещеру потерянной души? – спросил он Нийдэ.

– Не каждый день. Бывает, обреченные проводят по несколько дней привязанными к столбу в том аду, прежде чем попасть в еще больший ад.

– Ты сказала «обреченные». К Харону отправляют и мужчин, и женщин, или только девушек? – пытался выведать как можно больше информации Дург.

– Харон подбирает пары людей и увозит их на остров, который находится глубоко под землей на большом озере. Он питается энергией человеческих душ. На своем острове он соединяет мужчин и женщин в единое целое, в один организм. От такого союза тел и душ, способных зачать новую жизнь, исходит огромная энергия. Харон упивается ею. Эти существа живут там до окончания своих дней, пока не иссякнет их жизненная сила. Харона боятся все, кто спускается под землю. Жители Думы, вся жизнь которых проходит в подземельях, стараются откупаться от него чаще других. Из своего племени они отдают подземному повелителю только преступников, а чтобы задобрить его, берут в плен жителей прилегающих равнин.

– Как ты попала к ним в плен? – Дурга все больше и больше увлекал рассказ собственной рабыни. Он понял, что совсем не зря отдал за нее деньги. Тем более что потом можно подарить ее Максимилиану. Тот явно имеет на нее виды как на будущую невесту. И тогда свобода Нийдэ, которую дарует ей Дург, будет одновременно свадебным подарком Максимилиану.

– Эрлахи ночами, как подлые шакалы, крадут людей из деревень. Меня украли, когда я спала, заткнули рот и потащили к своим подземельям. Мой жених бросился в погоню за эрлахами, но стаи гиен, которых они выпускают для охраны своих границ, не дали догнать нас.

Я видела, как лошади испугались и остановились. Возможно, в том бою с этими жуткими зверями погибли все, кто пытался спасти меня, – речь и лицо Нийдэ стали еще печальнее после этих воспоминаний.

– Как тебе удалось спастись из Пещеры потерянной души? – продолжал задавать вопросы Дург.

– Я стояла у столба уже третий день, как вдруг из ответвления главной пещеры послышались шаги. Я подумала, что все, мой час настал. Но вместо Харона из темноты вышел человек с большой бородой, лохматый, в оборванной одежде. Он постоянно что-то безумно бормотал. А когда увидел меня, отвязал от столба, схватил, как охапку сена, и закричал: «О, Харон, приди и соедини меня с этой прекрасной девушкой!». Мне удалось вырваться из его объятий, и я побежала. После двух дней в пещере мне уже не страшны были все ее прелести. Я бежала без оглядки. Когда выбежала из пещеры, оказалась в незнакомой степи. Брела по ней два дня и две ночи, пока не упала от истощения. Очнулась в повозке какого-то старика, когда уже подъезжали к рынку рабов. Тот хозяин шатра, у которого я работала в услужении, купил меня дешевле, чем можно было купить барана, так плохо я выглядела, – после этих слов девушка заплакала.

Горячие слезы капали на руки Максимилиана. Он не понимал языка, на котором говорила Нийдэ. Лишь по интонациям можно было понять, что рассказ ее очень печален. Иногда Дург между своими вопросами девушке переводил, что она говорила.

– Не плачь, малышка, мы не дадим тебя в обиду, все уже позади, – решил заговорить Максимилиан.

После этого он крепко сжал девушку в своих объятиях и тихо проговорил ей на ушко, хоть она этого и не поняла: «Я теперь тебя никуда не отпущу и никому не отдам».

– Выходит, Нийдэ, что у тебя есть все основания ненавидеть эрлахов? – продолжил свой расспрос Дург.

– Да, мой господин, я ненавижу их всем сердцем, – сквозь слезы ответила девушка.

– Но тогда есть серьезные подозрения, что это ты перерезала ночью глотки тем трем эрлахам в шатре, из-за чего мы чуть было не лишились голов.

– Я очень хотела это сделать, господин, и уже решилась, взяла нож для разделки мяса, но кто-то опередил меня. Я не убивала этих вонючих подземельников. А если бы убила, то призналась бы в этом. Мы, эссийцы, честный и благородный народ, мы не способны на такие подлости, о которых вы подумали, – дерзко вздернув вверх подбородок, произнесла Нийдэ.

«Неужели герцог Нильберд оставил своих людей в столице Арханкизии, чтобы подставить нас? – мелькнула мысль у Дурга. – Хотя с таким же успехом лазутчики могли перерезать глотки и нам с Максимилианом, но их задача была именно подставить нас. На мое убийство король обязан был бы выставить претензию шаху. А вот если я буду уличен в тяжком преступлении, то претензия короля будет несостоятельной. Значит, те, кто разыграл этот спектакль, не хотят обострения отношений Ледонии с Арханкизией. Их задача – убрать меня со сцены. Инквизитор будет стараться всеми способами не дать мне настигнуть королеву с Нильбердом. Они где-то здесь. Надо опередить Хилакиуса. Тогда козыри будут у меня в руках».

С этими раздумьями Дург первым въехал в лирнийские горы.

Невысокие часто посаженные остроконечные холмы, высотой чуть выше всадника верхом на лошади, оказались труднопреодолимой преградой. Никакой дорогой здесь и не пахло. Не было ни одного плоского участка. Все четыре лошадиные ноги находились в разных плоскостях, отчего продвижение было не только медленным, но и чрезвычайно дерганным.

Дург дал команду спешиться. Так стали двигаться немного быстрее. Но все равно такая дорога была сплошным мучением. Разве что Максимилиан, держа за руку Нийдэ, был сейчас счастлив в любой обстановке.

Дург не выдержал, вскарабкался на вершину ближайшей так называемой горы глянуть, когда это все закончится.

Впереди, шагах в ста пятидесяти, уже начинались степи Думы.

– Ну вот и славно, – произнес Дург и развернулся, чтобы спуститься.

Вдруг верхушки гор взметнулись высоко в небо, а сам он еле удержался на носочках на краю глубокой пропасти.

– Ну вот, началось, не успели проскочить, – выругался Дург, глядя на оставшихся в глубине ущелья Максимилиана с Нийдэ и лошадьми.

Махнув им рукой продолжать движение, сам пошел по верху.

Вскоре Дург скрылся из вида. Максимилиан крепче сжал руку Нийдэ и, озираясь по сторонам, повел ее по утопанной дороге, которая, петляя и извиваясь, шла через горы. До этого даже с высоты человеческого роста дорога была трудно различима, а с лошади ее вообще не было видно. Сейчас смешные, с точки зрения обычного человека, горы превратились в зловещие, пугающие своей мощью остроконечные пики.

– Сеньору Дургу, наверное, сейчас намного труднее идти, чем нам, – сказал Максимилиан, посмотрев на свою спутницу. С момента расставания с Дургом они не произнесли ни слова. И сейчас надо было как-то разрядить обстановку.

– Главное, нам не заходить ни в какие пещеры, правда? – произнес рыжий, глядя в глаза девушке, тем самым успокаивая не столько ее, сколько самого себя. Нийдэ все равно ничего не поняла. После этого они более бодрым шагом двинулись вперед.

Обогнув очередной выступ скалы, Максимилиан увидел зияющий черной дырой вход в пещеру. Сердце слегка екнуло. Он отвернулся. Темнота пещеры одновременно пугала и манила. В любой темноте может скрываться опасность, а в этой темноте скрываются кроважидные гномы со своими острыми лопатками. Возможно, сейчас они наблюдают из мрака за двумя путниками в надежде, что те зайдут в их обиталище.

Манила же пещера Максимилиана тем, что была надежда, что гномов рядом нет, а сокровища вот тут, рядом. Как бы он хотел занять сейчас немного золота. Для человека, прожившего всю жизнь в нищете, это давало возможность выкупить любимую девушку и жениться на ней, снять достойное жилье, хорошо питаться и одеваться. Он посмотрел на Нийдэ. Она шла, потупив взор, ведя лошадь Дурга. Если бы не вторая лошадь, сейчас взять бы ее опять к себе в седло, обнять, прижать крепче. Безразличие к себе девушки Максимилиан объяснял для себя ее природной скромностью и осознанием своего статуса рабыни. Он был твердо уверен, что после того, как они поженятся и Нийде обретет свободу, она раскрепостится, и у них будет дружная крепкая семья.

Мимо огромной черной дырой прозяла еще одна пещера. Вход в нее был еще крупнее.

– Нийдэ, сядь на лошадь и жди меня здесь, – скомандовал девушке Максимилиан.

Она подняла на него глаза с ничего не понимающим взглядом.

– А, ты же не понимаешь меня, – раздосадовано произнес рыжий. Но потом он жестами объяснил девушке, чтобы она садилась на лошадь и ждала его у входа в пещеру, а он пойдет внутрь. На что Нийдэ в ужасе вытаращила глаза и замахала руками, показывая, что Максимилиану ни в коем случае не стоит ходить в пещеру.

– Давай-давай, не разговаривай много, для нашего же с тобой счастья хочу рискнуть, – с нотками бахвальства в голосе проговорил Максимилиан, подсаживая Нийдэ в седло. Но девушка, до этого молча шедшая рядом, покорно опустив глаза, сейчас отказалась подчиниться.

– В конце концов, я не твоя рабыня и не обязана выполнять твои приказания, – прокричала она на эссийском языке и пошла дальше по дороге, оставив ничего не понявшего Максимилиана стоять с двумя лошадьми.

В этот момент земля под ногами стала сотрясаться от громких последовательных ударов, словно шагов гигантского животного. Нийдэ остановилась. За склоном горы, там, где дорога поворачивала направо, послышался шум от посыпавшихся со склона камней, а еще через мгновение оттуда появилась громадная мохнатая звериная морда с огромными острыми клыками.

Максимилиан, увидев это, почувствовал, как его рыжая шевелюра пришла в движение и устремилась вверх.

Нийдэ в это время уже со всех ног неслась обратно. Лошади одновременно заржали и встали на дыбы. Максимилиан выпустил уздечки из рук и растерянно смотрел на приближающееся чудовище.

Подбежавшая Нийдэ ловко схватила за сбрую обеих лошадей и, ткнув головой в грудь Максимилиана, потащила всех троих к пещере.

Рыжий, придя в себя от удара в грудь, развернулся и стремглав побежал к теперь уже спасительной черной дыре в скале. Но, опомнившись, развернулся, выхватил из левой руки Нийде уздечку, схватил ее руку своей правой рукой и буквально втащил ее и лошадей в пещеру.

Только они пробежали несколько шагов от входа вглубь, как вслед им с громким сопением просунулась влажная волосатая морда.

Клацнув зубами, морда исчезла, но вместо нее длинная мохнатая лапа с острыми изогнутыми когтями с такой скоростью устремилась вслед беглецам, что чуть не достигла своей цели. Один коготь, зацепив новый камзол Максимилиана ниже воротника, разорвал его до самого пояса. Если бы не сбруя лошади, за которую он держался, то погиб бы бедный студент в пасти невиданного чудовища. А так отделался разорванной одеждой и поцарапанной спиной.

Дург с горы увидел, как огромный волосатый зверь погнался за Максимилианом с Нийдэ и приник к черной дыре в скале. Дург с облегчением выдохнул, когда длинная когтистая лапа вылезла из пещеры пустой.

Но зверь, упустив одну добычу, подняв нос вверх, учуял другую. Через несколько мгновений он уже карабкался вверх по склону под грохот камней, вырывающихся из-под его лап и с шумом летящих вниз.

Теперь уже Дургу пришлось искать убежище, чтобы избежать встречи с огромной клыкастой пастью.

Как назло, все это произошло в тот момент, когда он уже почти спустился с противоположного склона горы, на которой он оказался. Дург рассчитал, что должен был спуститься к дороге в тот момент, когда идущие по этой дороге Максимилиан с Нийдэ, обогнув выступ скалы, подошли бы к этому месту. Но именно из-за этого выступа появилось чудовище. И теперь Дург лихорадочно карабкался вверх по практически отвесной скале в надежде найти хоть какое-то убежище.

Маленький грот, даже незамеченный при спуске, сейчас стал единственным спасением. Заскочив внутрь, Дург спрятался в небольшую нишу слева от входа. Это гарантировало, что зверь хотя бы не увидит его, да и вытащить из грота человека будет непросто.

Переведя дух, Дург с шумом и облегчением выдохнул. Поднял глаза и встретился взглядом с четырьмя парами неморгающих глаз. Огромный паук оценивал предполагаемую добычу. Дург медленно положил руку на рукоять меча. Шансы у охотника и добычи были практически равны. Дург прикидывал, сможет ли в таком тесном пространстве достаточно

размахнуться для полноценного удара или следует воспользоваться кинжалом. Паук только ему доступными методами оценивал свои шансы.

У Дурга времени на раздумья уже не осталось. Удары лап и скрежет когтей по камням были настолько близко, что попытка найти новое убежище была уже неосуществимой. Следовало ждать развязки.

И она наступила. Жилистая волосатая лапа, пролетев мимо, на расстоянии вытянутой руки от лица Дурга, схватила паука и вытянула наружу. Хруст и чавканье оповестили об окончании его жизненного пути. После чего зверь спрыгнул вниз и отправился восвояси. Дург еще раз с облегчением выдохнул и сел на пол своего маленького убежища.

Корчиться от боли перед любимой девушкой было стыдно. Максимилиан стиснул гнилые зубы, чувствуя на вдруг оголившейся спине горячий след шириной с ладонь. Хорошо еще, что коготь был тупым, кровь выступила лишь маленьким капельками. Было ощущение, что по спине быстро прошлись большим шершавым камнем. От боли и жжения хотелось выть и извиваться, но Максимилиан попытался даже улыбаться, всем видом показывая, что рана его – полная ерунда.

Нийдэ, взяв рыжего за плечи, развернула спиной к входу в пещеру. Оттуда пробивались слабые лучи света. Она осмотрела рану. Ловким быстрым движением оторвала полоску ткани от своей нижней рубашки, подошла к стене пещеры и промокнула материей черную смолянистую жидкость, стекавшую вниз по ней.

Максимилиан был несказанно рад, что ранение он получил на спине, потому что, когда Нийдэ приложила тряпицу с черной жидкостью к его царапине, физиономия его исказилась в такой гримасе... Хорошо, что девушка этого не видела.

Нийдэ подула на то место, где приложила лекарство. Максимилиану нравилась такая забота о нем со стороны женщины. Жжение слегка прошло. Он расправил плечи и уже готов был произнести, что это всего лишь царапина, мелочь. Но в этот момент Нийде, нажав на тряпку, с силой провела ею сверху вниз по всей ране. И тут рыжий не выдержал. От сильной и неожиданной боли он заорал так, что в глубине пещеры послышался топот десятков ног. Гномы, наблюдавшие из темноты за парочкой незваных гостей, от неожиданности бросились наутек в панике от душераздирающего крика Максимилиана, чуть не передавив друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.